

В тот миг на Чи Нина обрушилось столько вопросов разом, что он надолго лишился дара речи. По правде говоря, с его губ готовы были сорваться одни ругательства, но остатки здравого смысла настойчиво твердили: нельзя дырять дно столь редкого корабля, как покровительство сиятельного князя Цзина.

Господин Юань тихо рассмеялся и участливо поинтересовался:

"Помощь нужна?"

"... Умоляю", — мысленно взмолился Чи Нин. Кто, как не он, умел вовремя приспособливаться к обстоятельствам!

В следующую секунду всё перевернулось. Мир вокруг заиграл причудливыми красками, и Чи Нин, едва дав согласие, погрузился в непостижимое, почти мистическое состояние. Ему казалось, будто он взмыл в воздух и одновременно остался сидеть на месте, и даже ощутил обжигающую, острую горечь прокатившегося по горлу глотка крепкого вина.

Лишь мгновение спустя он осознал: это Господин Юань его руками осушил чарку.

Божество с совершенно бесстрастным видом опрокинуло в себя чарку обжигающего крепкого алкоголя и мысленно вынесло вердикт:

"Ничего особенного".

Ему было не понять человеческой страсти к хмельному. Наблюдая на пирах, как смертные опрокидывают кубок за кубком, он полагал, что это дарит некое невероятное ощущение, а на деле вкус оказался точь-в-точь как у свирепой одержимости.

Свирепая одержимость по своей сути была тем, что люди зовут свирепыми призраками — порождением жгучей обиды, несущим в себе колоссальную разрушительную силу. Злому богу это человеческое сравнение казалось довольно точным, поэтому он охотно им пользовался.

Он не жаловал одержимых в человеческом обличье, но если те совсем лишались рассудка и дерзко нарывались на неприятности, не брезговал ими поживиться.

Вот только вкус у них всегда был чересчур резким и горьким — гадость редкостная.

Послушно вживаясь в роль, Господин Юань достал из широкого рукава Чи Нина предназначенную для записей тетрадь и обратился к молодому человеку:

— Время не ждёт, так что я задам ещё несколько вопросов, вы не против?

— А? — растерялся Вэнь Хуайгу.

В его глазах Чи Нин, перед которым он едва успел раскрыть душу, неуловимо переменялся. Перед ним по-прежнему сидел прекрасный, словно выточенный из нефрита юноша, но от него вдруг повеяло скрытой, смертельной угрозой. Если бы наследника попросили это описать, он, пожалуй, сравнил бы это ощущение со страхом перед собственным отцом или августейшим дядей-императором. Нет, всё было гораздо хуже — его словно заприметил опасный хищник.

При этом Чи Нин продолжал мягко улыбаться, будто ничего не произошло.

И тут Вэнь Хуайгу внезапно вспомнил, кто сидит перед ним. Ведь это был тот самый Господин Линь, который когда-то в Дворце Недеяния в одиночку противостоял своре сановников и прямо в лицо новому императору бросил дерзкий вопрос: достоин ли тот занять престол?

— Спрашивайте, — наследник невольно выпрямился в струну.

Овладевший телом юноши Господин Юань сразу перешёл к главному:

— Твоему отцу, князю, известно об этом?

— А разве это что-то меняет? — не понял Вэнь Хуайгу.

Настоящий Чи Нин мгновенно уловил ход мыслей злого бога. Сейчас юноша умудрялся делать два дела одновременно: во-первых, с восхищением изучал мир с совершенно непривычного ракурса (неужели Господин Юань видит всё вокруг без единой слепой зоны?), а во-вторых, беззвучно усмехался над наивностью собеседника.

"Ещё как меняет! Если бы князь знал, мы бы подбирали тебе партию открыто и официально. А раз он пребывает в неведении, придётся действовать тайно, в обход правил".

— Тебе известно, что ты — единственный наследник поместья князя Цзина? — Господин Юань любил отвечать вопросом на вопрос, тем самым удерживая нить разговора в своих руках.

Вэнь Хуайгу понурил голову, и его голос заметно помрачнел:

— Знаю. Но мне никогда не казалось обязательным, чтобы после меня кто-то наследовал моё имя и титул. Видимо, подобные мысли слишком кощунственны... — Он горько усмехнулся. Должно быть, он действительно уродился каким-то чужаком, раз его голову занимало то, чего общество категорически не принимало.

Однако вопреки опасениям, Чи Нин вовсе не стал читать ему нотации. Вместо этого он спокойно произнёс:

— Хорошо, так и запишем: Его Высочеству князю ничего не известно.

Наследник изумлённо вскинул голову. Собеседник деловито черкал в тетради, словно только что услышал самую будничную вещь на свете.

Не теряя времени даром, божество перешло к следующему пункту:

— А ты сам хочешь, чтобы он узнал?

Вэнь Хуайгу не успевал осмыслить, отчего юноша принимает его странности с таким олимпийским спокойствием. Он ответил повинувшись чистому порыву:

— Нет. Всем будет лучше, если отец останется в неведении.

И пускай отцу Хуайгу завидовала вся Великая Ци, внутренний голос настойчиво твердил юноше: если князь обо всём проведает, случится непоправимая беда.

— Понятно, — Господин Юань кивнул. — Тогда ответь: женщины тебя привлекают?

Набравшись смелости, Вэнь Хуайгу решительно покачал головой:

— Если есть хоть малейшая возможность избежать этого, я бы не хотел губить жизнь невинной девушки.

Многие его знакомые превосходно совмещали брак с тайными мужскими увлечениями, но сам он так поступать не желал. В конце концов, если так делают все, это ещё не значит, что это правильно.

Кончик кисти в руках Господина Юаня снова заскользил по бумаге. Он заполнял опросник сухо и беспристрастно, словно решал простую задачу. Закончив, он озвучил очередной вопрос:

— Какую роль ты предпочитаешь? Сверху или...

Для наглядности божество вежливо сделало простой жест пальцем вверх-вниз.

Наследник всё понял с полуслова — к чему такие подробности? Он ведь был молодым человеком брачного возраста и тайком поглядывал на весенние картинки! Лицо юноши мгновенно вспыхнуло пунцовой краской. Теряясь от юношеского смущения, он едва не прикусил язык:

— Без... без разницы. Мне кажется, не стоит делить это на... на верхи и низы.

Чи Нин с улыбкой наблюдал, как Господин Юань набросал в тетради:

[Универсал. Так даже проще]

О том, о чём его расспрашивали дальше, наследник старался не вспоминать. С его губ слетали столь нескромные признания, что у него до сих пор горели уши. В глубине души, совершенно не зная жизни, он наивно полагал: вероятно, только такой человек, как Чи Нин, лишённый с малых лет мирских радостей плоти, способен записывать подобные откровения с поистине ледяным спокойствием.

И всё же, положив руку на сердце, Вэнь Хуайгу не мог не признать: он с замиранием сердца ждал появления невесты, которая бы полностью разделила его тайные чаяния.

Едва на бумагу лёг последний штрих, Чи Нин вернулся в собственное тело. Заметив, как густо покраснел бедный наследник, не знающий, куда деть взгляд от смущения, евнух проявил чуткость и поспешил откланяться, прихватив ожидавшего у входа Ся Ся.

Покинув комнату Вэнь Хуайгу, Чи Нин отвёл названного сына в свой постоянный кабинет на верхнем этаже башни Взгляда на Реку и велел подать на стол роскошное блюдо — счастливый рис Восьми Сокровищ Брахмы.

— Тебе пришлось долго простоять у дверей натошак, — ласково промолвил Чи Нин. — Кушай, не стесняйся. Это заведение принадлежит твоему второму брату, так что не чурайся отца.

Ся Ся онемел от изумления.

— И помни: об этом ни слова, — добавил Чи Нин. — Особенность нашего счастливого риса в том, что отведать его можно только по предварительной записи, кем бы ты ни был. Весь город ломает голову, какой могущественный покровитель стоит за башней Взгляда на Реку, раз смеет диктовать свои правила. Если поползут слухи, что хозяин — всего лишь приёмный сын безродного евнуха Чи Нина, хлопот потом не оберёшься.

Оставив Ся Ся наслаждаться трапезой, Чи Нин покинул заведение: его ждали неотложные дела.

Сумерки медленно опускались на столицу. Чи Нин не спешил возвращаться с докладом в Дирекцию дворцового хозяйства — главная забота уже осталась позади. Кто бы ни оказал ему негласную поддержку — будь то сам сиятельный князь Цзин или верный Ся Ся, — он обязательно сочтётся с ними позже.

Куцай уже повёл слуг прибирать кабинет Чи Нина в ведомстве. Как только там всё закончат, Господин Юань непременно даст знать.

Пользуясь неожиданной передышкой, юноша решил заглянуть на вечерний храмовый праздник.

В Великой Ци по-прежнему действовал комендантский час, однако следили за ним не столь строго, как при прошлых династиях. Благодаря процветающей торговле и зажиточности горожан ночная жизнь столицы была ключом.

Одним из главных центров притяжения горожан по вечерам становились многолюдные храмовые ярмарки.

В Юнцзи славились два крупнейших ярмарочных прихода: один раскидывался на улице Министерства юстиции, другой — у Храма Великого Духа. Самому Чи Нину больше импонировал первый, забавлявший своей дерзостью разворачиваться прямо под окнами суровых судейских чинов, но сегодня его путь лежал на запад, к Храму Великого Духа.

Этот храм почитался как главное святилище покровителя столицы, и именно туда сейчас требовалось наведаться Господину Юаню.

Устроившись на мягких подушках паланкина, Чи Нин мысленно обратился к божеству:

"А дух-покровитель города действительно существует?"

Ему уже было известно, что в этом мире нет места привычной нечисти — есть лишь порождения людской одержимости. Однако Господин Юань величал себя Злым богом, а значит, во вселенной могли обитать и иные высшие сущности. И если это так, не задобрить ли ему при случае бога богатства?

Господин Юань мгновенно разгадал корыстный помысел смертного и безжалостно развеял его иллюзии:

"Из всех богов в этом мире мне известен лишь один. Я сам".

Чи Нин лишился дара речи.

Подавив бурю чувств, он поспешно сделал вид, будто никаких посторонних мыслей у него и близко не возникало, и угодливо осведомился у своего всемогущего покровителя:

"И зачем же тогда нам в Храм Великого Духа?"

"Чтобы разыскать тех, кто подходит под твои записи", — отозвался Господин Юань.

Чи Нин едва не прослезился от признательности. С этой самой секунды он готов был провозгласить злого бога своим единственным истинным покровителем!

Божество едва заметно кашлянуло:

"Святылище покровителя города — единственное место, где можно созвать все блуждающие поблизости души. Я велю тем духам одержимости, что способны свободно перемещаться, заняться поисками".

Разумеется, Господин Юань мог бы отыскать их и сам, применив божественную волю. Но его пребывание в смертном теле было ограничено — слишком долгий союз разрушил бы разум Чи Нина. К тому же мощь злого бога, способная укутать всю Великую Ци, мимоходом стёрла бы с лица земли сонмы духов одержимости, не оставив от них и следа.

Чи Нин мысленно перевёл эти витиеватые объяснения на простой человеческий язык: тяжело быть всемогущим.

Маленький паланкин плавно плыл сквозь море огней и пёструю суету праздничной толпы. Мимо проплывали лавки, заваленные жемчугом и ветвями драгоценных кораллов, старинными свитками времён эпох Цзинь и Тан, ритуальными бронзовыми сосудами Шан и Чжоу — от изобилия рябило в глазах. Народу на ярмарке было не протолкнуться: казалось, горожане стремились наверстать упущенное за время суточного запрета на выход в город. Среди этого праздного люда богачей оказалось столько, что диву даешься. Чи Нину как-то довелось читать заметки одного высокопоставленного чиновника из Министерства ритуалов. Тот сокрушался, что на фоне простых гостей ярмарки чувствует себя последним нищеводом.

Оказавшись под сводами окутанного благовонным дымом Храма Великого Духа, Чи Нин приготовился лицезреть грозное явление божественной силы и шёпотом поинтересовался, не нужно ли выгнать праздных зевак. Однако Господин Юань лишь велел ему зажечь три поминальные палочки и мысленно перечислить все требования к невесте.

"И это всё?" — опешил юноша.

"А чего ещё ты ждал?"

На этом Чи Нину позволили вернуться в свои покои и спокойно дожидаться результатов. Ждать, к слову, долго не пришлось. Уже глухой ночью один за другим в Дирекцию дворцового хозяйства стали слетаться духи одержимости, наперебой спеша доложить о своих успехах.

Каждый из призраков мнил себя единственным незаменимым исполнителем, не подозревая, что у ворот ведомства уже выстроилась плотная очередь из его соперников, готовых ждать до самого утра.

"Пока отобрали десятка полтора, подходящих кандидатов оказалось на удивление много", — сообщил Господин Юань.

Чи Нин мысленно вытаращил глаза, заподозрив, что у него начались слуховые галлюцинации.

[Кандидат первый. Сведения предоставлены духом книжной туши]

[- Законнорождённая дочь богатого землевладельца Ли из столичного пригорода. На самом деле — переодетый юноша]

[- Его отец, ослеплённый любовью к наложнице, сжил со свету законную супругу и лишил сына прав]

[- Мальчик десять лет терпел лишения, лелея планы мести. Чрезвычайно амбициозен и искусен в домашних интригах]

(Короче говоря, девица на поверку оказалась переодетым парнем, которому нужно крепкое плечо для расправы с обидчиками).

[Кандидат второй. Сведения предоставлены странствующим духом]

[- Сын вождя затерянного в землях Чу горного племени]

[- С рождения сочетает в себе мужское и женское начало. Ликом прекрасен как дева, способен понести дитя]

[- Его родная деревня страдает от постоянных набегов разбойников и доведена до крайности]

(Двуполый юноша, способный удовлетворить любые предпочтения. Его общине требуется покровительство властей и признание со стороны государства).

[Кандидат третий. Сведения предоставлены духом любовной одержимости]

[- Семья мелкого чиновника из Цзянцзо, воспитавшая близнецов — мальчика и девочку]

[- Брат и сестра похожи друг на друга как две капли воды, даже родители путают их с первого взгляда]

[- Глава семейства застрял на низшей должности и давно оставил надежды на продвижение по службе]

(Идеальный случай для подлога. Всё, что потребуется для согласия — обычная сделка).

[Кандидат четвёртый. Сведения предоставлены безымянным духом]

[- Родная сестра императорского зятя. Питает нежные чувства к женщинам]

[- Подыскивает безбедное и надёжное пристанище для себя и своей возлюбленной]

(Готовый фиктивный брак. После свадьбы супруги смогут жить каждый своей жизнью).

[Кандидат пятый. Сведения предоставлены духом одержимости]

[- Известный мастер боевых искусств, обладающий невероятной силой]

[- После опасного искажения внутренней энергии пристрастился к женскому платью. Изначально питал слабость к мужчинам]

(Ещё один любитель примерить на себя женский образ, на сей раз — по собственному желанию).

Словом, этот мир оказался куда безумнее и интереснее, чем Чи Нин смел себе вообразить.

<http://bllate.org/book/20385/2132389>